

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
----------------	---

Глава 1. Феномен старения населения: экономические эффекты

1.1. Введение	16
1.2. Демографический контекст проблемы старения	20
1.3. Альтернативные подходы к оценке коэффициентов зависимости/поддержки	32
1.4. Взаимодействие старения населения с макроэкономическими переменными: базовая схема	49
1.5. Дополнительные эффекты	59
1.6. Заключение	83
Приложение П1	86
Литература	102

Глава 2. Возраст и образование: эволюция предложения труда

2.1. Введение	108
2.2. Возраст занятости	110
2.3. Вызов сверхобразованности	118
2.4. Сценарий на будущее	130
2.5. Заключение	133
Приложение П2	135
Литература	142

Глава 3. Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности

3.1. Введение	145
3.2. Как меняется зарплата: теоретические ожидания и эмпирические свидетельства	147

3.3. Возраст, навыки и производительность	152
3.4. Теперь про Россию: взгляд в «профиль»	156
3.5. Возрастные метаморфозы российского человеческого капитала	164
3.6. Социальные и некогнитивные навыки: вариация с возрастом	177
3.7. Мобильность: вытеснение в простые профессии	183
3.8. Является ли возраст сигналом для работодателя?	185
3.9. Заключение	186
Приложение П3	190
Литература	201

Глава 4. Молодежь у «входных ворот» на рынок труда

4.1. Введение	205
4.2. Положение молодежи на рынке труда: тренды в занятости и безработице	207
4.3. Условия входа на рынок труда	209
4.4. Структурные особенности входа на рынок труда	216
4.5. Заключение	232
Приложение П4	233
Литература	241

Глава 5. Есть ли в России молодежь NEET? Траектории входа и выхода

5.1. Введение	245
5.2. Почему молодые люди попадают в группу NEET и как покидают ее: обзор исследований	247
5.3. Эмпирическая база и методология исследования	251
5.4. Масштаб и динамика молодежи NEET	253
5.5. Потоки между состояниями на рынке труда	258
5.6. Факторы NEET-безработицы и NEET-неактивности: регрессионный анализ	268
5.7. Заключение	271
Приложение П5	274
Литература	289

Глава 6. Выход с рынка труда старших возрастных когорт: российский путь

6.1. Введение	293
6.2. Эмпирическая модель и методология	298
6.3. Данные	300
6.4. Усредненный процесс ухода с рынка труда.....	304
6.5. Индивидуальные детерминанты процесса ухода с рынка труда	310
6.6. Заключение.....	318
Приложение П6	319
Литература.....	324

Глава 7. Семейные паттерны (не)занятости

7.1. Введение	326
7.2. Как изменялись показатели занятости/незанятости на индивидуальном и семейном уровнях?	330
7.3. Международные сопоставления уровней незанятости.....	335
7.4. Измерение неравенства в распределении занятости между домохозяйствами: основные показатели	337
7.5. Как менялась доступность занятости на уровне домохозяйств?	340
7.6. Почему менялся семейный уровень незанятости?	342
7.7. Условная поляризация	345
7.8. Заключение	349
Приложение П7	352
Литература.....	365

Глава 8. Отцы и дети: «премия» за отцовство на российском рынке труда

8.1. Введение	366
8.2. Почему отцы получают больше: теории и эмпирика.....	368
8.3. Методология и данные	378
8.4. Результаты и обсуждение	381
8.5. Заключение.....	392
Литература.....	393

Глава 9. Работники старших возрастов на рынке труда в странах ОЭСР

9.1. Введение	398
9.2. Работники старших возрастов на рынке труда.....	401
9.3. Факторы, определяющие положение лиц старших возрастов на рынке труда	409
9.4. Заключение.....	417
Приложение П9	419
Литература.....	426
Заключение.....	429
Сведения об авторах.....	435

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя монография находится на стыке двух научных дисциплин — экономики труда и демографии, хотя и ближе к первой. Главная цель, которую мы в ней перед собой ставили, — попытаться проанализировать наиболее важные тенденции и процессы на российском рынке труда, имеющие выраженное социально-демографическое измерение.

Рынок труда всегда предполагает столкновение сил спроса и предложения. Достаточно сказать, что предложение труда во многом определяется демографией. Чем многочисленнее население, тем больше и потребительский спрос (при прочих равных), что в конечном счете трансформируется в спрос на труд. Но и предложение труда, и спрос на труд качественно неоднородны. С одной стороны, работодателям нужны работники с определенными производственными характеристиками. С другой, работники сильно отличаются друг от друга во многих отношениях. Среди всего многообразия этих различий особое место занимают характеристики, которые принято называть социально-демографическими. Эти характеристики во многом определяют ценность работников, значимо влияют на их поведение и в конечном счете на цену труда.

Речь идет о разделении индивидов по полу, возрасту, семейному положению, наличию детей, образованию, месту жительства и т.д. Хорошо известно, что итоговые параметры функционирования рынка труда — участие в рабочей силе, занятость, безработица, мобильность, производительность, заработная плата — варьируют по группам,

выделенным по каждому из этих измерений. Кроме того, многие демографические группы имеют свои специфические проблемы на рынке труда, как, например, недавние выпускники учебных заведений, родители маленьких детей, многодетные семьи, лица предпенсионного и пенсионного возраста, мигранты и т.д. Они могут сталкиваться с дополнительными барьерами при трудоустройстве, иметь более высокие риски потери занятости или длительного пребывания в состояниях безработицы и экономической неактивности. Многие такие группы могут становиться объектом дискриминации, вытесняться в непривлекательные профессии и оплачиваться по более низким ставкам. Очевидно, что взгляд на рынок труда, игнорирующий демографическое измерение, является неполным.

Демографические процессы крайне инерционны. Хотя в краткосрочной перспективе влияние на развитие экономики изменений в численности и структуре населения, в составе семей, паттернах брачности и рождаемости может оставаться практически незаметным, в долгосрочной перспективе они нередко оказываются определяющим фактором экономической динамики. Демографические сдвиги могут способствовать экономическому росту, а могут ему препятствовать; в какие-то периоды они обеспечивают положительный «демографический дивиденд» в виде дополнительного предложения молодой и образованной рабочей силы, но в какие-то отрицательный (из-за сжатия наиболее продуктивных когорт); в одних случаях повышают благосостояние общества, в других его подрывают. Их воздействие на экономику многогранно, затрагивает самые различные аспекты ее функционирования — потребительские, инвестиционные, сберегательные, инновационные и даже институциональные. И все же главным передаточным механизмом такого воздействия всегда выступает рынок труда. Экономические последствия демографических изменений концентрируются в первую очередь здесь. Хотя крылатое выражение «демография — это судьба» является, конечно же, преувеличением, нельзя не признать, что демографические процессы, обладающие собственной автономной динамикой, налагают на возможности экономического развития достаточно жесткие ограничения, с которыми всегда приходится так или иначе считаться.

Влияние демографических факторов непосредственно на рынок труда осуществляется по двум основным каналам — количественному и качественному. Во-первых, через изменение предложения труда (численности рабочей силы) и, во-вторых, через изменение его структуры. Российскому рынку труда уже в ближайшие десятилетия предстоит пережить радикальное реформатирование по обоим этим направлениям. Официальные демографические прогнозы Росстата рисуют достаточно пессимистическую картину. Так, к 2035 г. из-за сокращения численности населения в рабочих возрастах занятость в российской экономике, как ожидается, уменьшится на 3–4 млн человек. В более длительной перспективе потери выглядят еще драматичнее, что грозит российской экономике мощным негативным шоком со стороны предложения труда.

На это накладывается крайне неравномерная динамика по различным демографическим группам. Сокращение абсолютной численности российской рабочей силы будет идти на фоне серьезных сдвигов в ее структуре: в ближайшие десятилетия резко возрастет, во-первых, доля лиц пожилого возраста (проблема старения населения) и, во-вторых, доля обладателей высшего образования (проблема сверхобразования). Эти изменения по-разному затронут разные отрасли и профессии. Одним придется решать, как обучать пожилых выполнять ту работу, которую всегда делали молодые. Другим – думать о том, как и кем заменять наиболее опытных работников, которые станут в массовом порядке выходить на пенсию. Третьим – искать, откуда взять низкоквалифицированных работников, готовых трудиться в неблагоприятных условиях и за невысокую заработную плату.

Все эти процессы отражают общемировые тренды и представляют серьезный вызов как для экономики, так и для политики государства. Они во многом станут определять, как будет развиваться российская экономика в первой половине XXI в., так что их изучение представляется безусловно приоритетной научной задачей. Без знания того, какими будут численность и социально-демографическая структура рабочей силы, невозможно понять, сможет ли экономика России абсорбировать достижения научно-технического прогресса, какими темпами она будет расти и какие новые точки социальной напряженности появятся в российском обществе в ближайшие десятилетия.

На повестке дня возникает множество вопросов, не имеющих простых решений. Станут ли изменения, которыми будет сопровождаться переход к стареющему, но при этом более образованному обществу, тормозом на пути экономического роста? Насколько значительными могут оказаться связанные с ними негативные эффекты и существуют ли возможности по их – частичной или полной – нейтрализации? С какими новыми проблемами на рынке труда предстоит столкнуться социально-экономической политике государства? Обсуждение данного круга вопросов представляется не просто актуальным, но остро злободневным. Однако ответы на них далеко не очевидны и требуют немалых интеллектуальных усилий со стороны российского исследовательского сообщества.

Все указывает на то, что в современных условиях анализ рынка труда через призму демографических процессов представляет не только большой академический, но и очевидный практический интерес. Хотя многие конкретные проблемы такого рода не раз рассматривались в работах отечественных исследователей, попыток комплексного анализа социально-демографической составляющей функционирования российского рынка труда до сих пор было немного. Наша монография направлена на восполнение этого пробела.

Существование этого пробела во многом объясняется тем, что в российской исследовательской практике такая интересная и значимая научная субдисциплина как экономика населения (или демографическая экономика) представлена крайне слабо. Ведущие российские демографы вносят очень большой вклад в понимание процессов воспроизводства на-

селения (рождаемости, смертности, миграции), но чаще всего воздерживаются от прямого участия в экономических исследованиях. Хотя иногда они обращаются к экономическим аспектам демографических процессов, такие разовые «вторжения» не отменяют потребности в комплексном анализе с использованием понятий и инструментов современной экономической теории. Формально раздел прикладных экономических исследований под названием «экономика народонаселения» существует, однако относящиеся к нему работы немногочисленны и чаще всего имеют чисто измерительную направленность, сводясь к количественному оцениванию тех или иных сегментов трудового потенциала общества. Это радикально отличается от ситуации в зарубежной науке, где по данной субдисциплине существует целый ряд авторитетных специализированных журналов с высоким академическим рейтингом¹. Мы надеемся, что наша монография станет шагом на пути оформления российской демографической экономики в качестве самостоятельного направления исследований. Можно ожидать, что сочетание методов демографического и экономического анализа способно дать сильный синергетический эффект.

При подготовке книги мы стремились к тому, чтобы представленные в ней работы были разнообразны по тематике и охватывали как можно более широкое проблемное поле, касающееся взаимодействия демографических процессов с процессами на рынке труда. Как и можно было бы ожидать, наиболее подробно в монографии обсуждается – в виду ее очевидной важности – проблема старения населения. При всей актуальности и назревающей остроте данной проблемы она остается недостаточно исследованной. Старение населения создает новые и разнообразные вызовы для многих стран. Россия находится в их ряду, но может ощутить его последствия в более острой форме, чем многие другие. Однако анализ возрастных характеристик рабочей силы важен не только в связи с проблемой эйджинга. Возраст – один из ключевых детерминантов оплаты труда, но в российских условиях связь между ними выглядит настолько нестандартно, что здесь необходимы специальные объяснения. Угроза сверхобразования, связанная с наплывом на рынок труда работников с вузовскими дипломами, – еще одна острая проблема, которая также находится в фокусе нашего внимания. Важно отметить, что здесь мы не ограничиваемся анализом текущей ситуации, но даем прогноз изменений в образовательной структуре российской рабочей силы на ближайшие полтора десятилетия. Большинство других проблем, которым посвящены отдельные главы книги (премия за отцовство, занятость и безработица на уровне домохозяйств, молодежь NEET, исключенная из сферы как образования, так и занятости, ассортативность браков и др.), раньше почти не рассматривались в отечественной литературе и являются для нее новыми.

¹ См., например: Journal of Population Economics.

Отличительная черта исследований, представленных в нашей книге, — учет международного опыта. Демографический переход — универсальный процесс: раньше или позже, быстрее или медленнее все страны проходят через одни и те же его фазы. Вписывание российской демографической ситуации в мировой контекст позволяет, во-первых, увидеть, с какими проблемами из тех, с которыми уже столкнулись экономики более развитых стран, предстоит вскоре столкнуться отечественной экономике, и, во-вторых, понять, насколько здесь велик (или мал) элемент национальной специфики. С этим связано включение в книгу специальной главы, посвященной последствиям демографических процессов для рынков труда стран ОЭСР.

Теоретический фундамент нашего исследования составляют базовые концепции, выработанные современной экономикой труда и смежной с ней экономикой населения. Методология анализа совмещает использование как описательных процедур, так и применение более сложных техник. В работе приведены также прогнозные оценки, дающие представление о вероятной динамике ключевых параметров российского рынка труда в свете предстоящих демографических изменений.

В данной книге мы следуем тому же подходу, что использовали в наших предыдущих монографиях, выпущенных в сотрудничестве с Издательским домом НИУ ВШЭ («Нестандартная занятость», 2006; «Заработная плата: эволюция и дифференциация», 2007; Российский работник: образование, профессия, квалификация», 2011; «В тени регулирования», 2014; «Мобильность и стабильность на российском рынке труда», 2017.). Она представляет не теоретические, а преимущественно эмпирические исследования, которые основываются на больших и разнообразных массивах статистических макро- и микроданных. При этом каждая глава книги представляет собой полусамостоятельное исследование.

С учетом того, какое значение приобретают сегодня для российской экономики проблемы, связанные с демографическими процессами, мы надеемся, что анализ, представленный в нашей монографии, вызовет интерес как у профессиональных, так и непрофессиональных читателей.

Структура работы. Книга состоит из Введения, 9 глав и Заключения.

Глава 1 (автор — Р. Капеллошников) посвящена глобальному демографическому процессу старения населения — эйджингу. Его многообразные последствия будут во многом определять развитие мировой экономики в обозримой перспективе. В главе представлен максимально широкий спектр экономических эффектов, порождаемых старением. Автор дает прогнозные оценки динамики эйджинга для ряда стран, включая Россию, приводит расчеты и обсуждает различные версии так называемых коэффициентов зависимости/поддержки, описывает базовый механизм взаимодействия между демографическими и макроэкономическими переменными. Дополнительно анализируются влияние старения населения

на предложение труда, накопление человеческого капитала, технологический прогресс, реальный процент (отдачу от капитала), инфляцию. Наиболее общий вывод состоит в том, что сам по себе этот процесс не представляет фундаментальной экономической проблемы, угрожающей благосостоянию общества. Более реальные угрозы исходят от сложившихся институтов поддержки пожилых, созданных в начале—середине XX в. в совершенно иных демографических и экономических условиях.

Глава 2 (авторы — В. Гимпельсон, Р. Капелюшников) рассматривает изменения в предложении труда в России через призму возраста и образования. Авторы выделяют два периода: ретроспективный (2000—2015 гг.) и перспективный (2016—2030 гг.). Иными словами, прогноз будущих изменений дается на фоне тех тенденций, которые фактически имели место в последние годы. Предлагаемый анализ использует два основных источника данных — выборочные обследования рабочей силы и демографические прогнозы Росстата. Если в прошлом периоде росли и удельный вес молодежных когорт и уровень образования, способствуя тем самым экономическому росту, то в будущем ожидается обратная картина. Доля молодежи в занятости будет снижаться, а уровень образования уже близок к предельному. Резкое сжатие доли молодежи в сочетании с замедлением роста образовательного уровня населения представляет собой серьезную экономическую проблему, с которой российскому рынку труда предстоит столкнуться в обозримом будущем.

В *главе 3 (автор — В. Гимпельсон)* обсуждается проблема межвозрастных различий в заработной плате. Автор обращает внимание на то, что в то время как в развитых странах заработная плата монотонно растет до наступления пенсионного возраста, в России этот профиль выглядит иначе. Рост заканчивается к 40 годам, после чего заработная плата снижается. Это подтверждается альтернативными расчетами с использованием разных источников данных. В работе анализируются возможные причины такой нестандартной формы возрастного профиля заработной платы, связанные с эволюцией разных компонентов человеческого капитала.

В фокусе *главы 4 (авторы — П. Травкин, Е. Чернина, А. Шарунина)* находится проблема, с которой в практическом плане сталкивается каждый: это переход от учебы к работе. Цена «ошибки» при входе на рынок труда всегда чувствительна: потери, связанные с поиском молодыми людьми «своей» работы, ложатся и на их семьи, и на все общество. Авторы рассматривают три сюжета: особенности профессиональной структуры занятости молодежи; соответствие полученного образования требованиям, предъявляемым на рабочих местах; накопление навыков и компетенций через дополнительное профессиональное образование. Фиксируя факт восходящей профессиональной мобильности молодежи на российском рынке труда, они вместе с тем отмечают, что уровень образования соответствует требованиям рабочего места у каждого второго молодого работника, причем «недообразованность»

чаще всего оказывается временным состоянием, тогда как «сверхобразованность» — постоянным и устойчивым явлением.

Глава 5 (автор — А. Зудина) рассматривает положение молодежи, которая не работает и не учится (английская аббревиатура — NEET). Ее доля в период 2010–2015 гг. составляла 12–15% от численности всей российской молодежи в возрасте 15–24 лет. Основной вопрос, который обсуждается в главе, связан с обстоятельствами входа в такое состояние и выхода из него. Автор показывает, что оно в настоящий момент не является безвыходной «ловушкой» и наиболее распространенной причиной попадания в него выступает создание семьи, которое на какое-то время переключает жизненные интересы в сторону от рынка труда и полноценной учебы. Еще одним важным фактором попадания в статус NEET является недостаточный уровень образования (характерный в первую очередь для выпускников учреждений начального профессионального образования), который не пользуется спросом со стороны работодателей и тем самым не позволяет надолго удерживаться в состоянии занятости. При этом пребывание молодежи в состоянии NEET оказывается не связано для нее с повышенными рисками попадания в неформальную занятость.

В главе 6 (автор — И. Денисова) исследуется процесс ухода с рынка труда старших возрастных когорт. В основе представленного анализа — изучение индивидуальных траекторий выхода россиян с рынка труда в экономическую неактивность с использованием методов анализа дожития. В отличие от многих развитых стран, в России дольше других не покидают рынок труда лишь высококвалифицированные работники, тогда как поведение среднеквалифицированных работников, квалифицированных и неквалифицированных рабочих статистически не отличается друг от друга. Занятие предпринимательской деятельностью и самозанятость позволяют дольше удерживаться на рынке труда по сравнению с работой по найму. Также интересным результатом является то, что пожилые работники в верхней части распределения заработных плат склонны значительно позже покинуть занятость и переходить в неактивность.

В главе 7 (автор — А. Лукьянова) ставится вопрос о том, как российские домохозяйства распределяются по трем типам — тем, где заняты все, тем, где заняты лишь некоторые их члены, и тем, где не занят никто. Полученные результаты свидетельствуют о том, что российский рынок труда характеризуется низкой, но постепенно возрастающей семейной незанятостью. Автор показывает, что в России не наблюдается значительной поляризации семейной занятости, т.е. жесткого деления на домохозяйства, где все взрослые члены заняты, и домохозяйства, где все взрослые члены незаняты. Фактическая занятость распределяется между домохозяйствами столь же равномерно, как если бы распределение происходило случайным образом. Однако семьи, в которых нет лиц с высшим образованием, семейные пары без детей, в которых один из супругов старше трудоспособного возраста,

семьи, состоящие из родителей, проживающих вместе с взрослыми детьми, и одинокие люди трудоспособного возраста без детей сталкиваются с «избыточной» незанятостью чаще.

Глава 8 (автор – А. Ощепков) обсуждает, как наличие детей сказывается на заработной плате их родителей. Например, известно, что матери, имеющие детей, получают в среднем меньше, чем женщины без детей. У мужчин ситуация обратная: отцы зарабатывают в среднем больше, чем мужчины без детей. Хотя существует целый ряд исследований, посвященных «штрафу» за материнство, работ, изучающих «премию» за отцовство практически нет. Из полученных оценок следует, что в российских условиях такая премия действительно существует, но ее «львиная доля» оказывается обусловлена (само)отбором – склонностью мужчин с изначально более высокой производительностью раньше и чаще становиться отцами. Остающаяся небольшая «премия» может объясняться тем, что наличие детей мотивирует мужчин зарабатывать больше. Автор показывает, что наличие и размер «премии» сильно зависят от возраста и количества детей, а также их биологического родства с женщиной.

Глава 9 (автор – Н. Вишневская) посвящена положению старших возрастных групп на рынке труда в странах ОЭСР. В последнюю четверть века там росли уровни экономической активности и занятости пожилых, тогда как безработица среди них снижалась. Одновременно шло сближение официального и эффективного возрастов выхода на пенсию. Улучшение здоровья пожилых когорт и удлинение активного периода жизни создали условия для более долгой трудовой карьеры. Структурные изменения в отраслевом и профессиональном составе занятых также были благоприятны, создавая условия для удержания и привлечения на рынок труда работников старших возрастов. Современная политика стран ОЭСР нацелена преимущественно на то, чтобы законодательными мерами отодвигать сроки выхода работников на пенсию, прежде всего – за счет повышения официального пенсионного возраста. Но даже в этих странах слишком мало еще делается по созданию более благоприятных условий для активации занятости пожилых, включая их переобучение. Повышение гибкости рынка труда также могло бы способствовать более широкому участию лиц старших возрастов на рынке труда.

Благодарности. Работа над этой книгой была бы невозможна без всесторонней поддержки со стороны НИУ ВШЭ и, в частности, Программы фундаментальных исследований с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100», реализуемой в Университете. Благодаря этой Программе, авторы имели возможность работать над рассматриваемой в книге темой в течение трех лет (2016–2018).

На разных этапах работы они получали замечания и комментарии, которые помогли сделать итоговый текст лучше. Особо хотелось бы отметить наших коллег А. Вишневого, М. Денисенко, М. Колосницыну, Х. Лемана, О. Лазареву, В. Радаева, С. Рощина, высказывавшихся по отдельным исследованиям, которые превратились затем в главы книги.

Эмпирическая составляющая нашего анализа базируется на разных источниках информации, включая данные Росстата и международных организаций (ОЭСР, Евростата). В целом ряде глав используются данные РМЭЗ НИУ ВШЭ и авторы крайне признательны исследовательской группе «Демоскоп» под руководством П. Козыревой и М. Косолапова. Несколько глав базируются на данных Росстата, сотрудникам которого мы также чрезвычайно признательны за их большую и эффективную работу.

Эта книга появилась благодаря плодотворному сотрудничеству с Издательским Домом НИУ ВШЭ, сотрудники которого приложили много сил для того, чтобы она получилась такой, какой вы ее в итоге видите. Особо отметим вклад О. Осиповой, осуществившей редакторскую «доводку» нашей рукописи до нужных кондиций, и Л. Моисеенко, превратившей рукопись в красиво набранную книгу. Ряд представленных в монографии глав вначале увидели свет в виде препринтов серии WP3 «Проблемы рынка труда». Мы крайне благодарны А. Заиченко за большую работу в качестве редактора серии.

Некоторые главы книги ранее публиковались в качестве статей в научных журналах.

Для кого предназначена эта книга? Прежде всего, конечно, книга ориентирована на исследователей, преподавателей и студентов – экономистов, демографов и социологов. На наш взгляд, она может быть полезной для всех, кто интересуется взаимосвязями между демографическими и экономическими процессами. Мы надеемся, что она будет любопытна и для специалистов-практиков в области рынка труда и социальной политики.

Материалы монографии могут быть использованы при преподавании таких дисциплин, как экономика населения, экономика труда, переходная экономика, социология труда и занятости, экономическая демография и другие.

Глава 1

ФЕНОМЕН СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ¹

1.1.

Введение

Человечество вступает на неизведанную территорию, связанную с его предстоящим быстрым старением. О феномене старения (эйджинга) можно говорить тогда, когда возрастная структура населения резко сдвигается в пользу лиц пожилого возраста. Конкретно старение населения выражается в повышении среднего и медианного возрастов, а также в уменьшении удельного веса младших и увеличении удельного веса старших когорт в общей численности населения. По прогнозам, во всем мире доля пожилых (65+), составляющая в настоящее время 10%, удвоится к 2050 г. и утроится в 2100 г., а доля очень пожилых (80+), не превышающая в настоящее время 2%, вырастет вдвое к 2050 г. и вчетверо к 2100 г. Даже в странах, где процесс старения населения стартовал уже достаточно давно

¹ Опубликовано: Экономическая политика. 2019. № 2. С. 8–63; Экономическая политика. 2019. № 3. С. 8–55. Автор признателен за поддержку А.Г. Вишневному, М.Б. Денисенко и А.В. Шаруниной. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

(например, Японии), он еще далек от завершения. С точки зрения всего человечества смещение возрастной структуры населения в пользу пожилых только начинает набирать обороты.

В научной литературе процесс, в ходе которого население движется от первоначально высоких показателей смертности и рождаемости с преобладанием молодых когорт к низким показателям рождаемости и смертности с преобладанием пожилых когорт, получил название «демографического перехода» (ДП) [Вишневский, 2005]. Хотя сегодня в него уже включены практически все страны мира, протекает он крайне неравномерно: одни государства находятся на самых ранних его стадиях, другие — на существенно более поздних. В финальной точке, до которой, впрочем, пока еще достаточно далеко, человечество ожидает глобальное постарение. Сочетание снижающихся показателей смертности со снижающимися показателями рождаемости делает перспективу эйджинга неизбежной.

У многих наблюдателей подобная картина будущего вызывает серьезную тревогу. Эксперты ООН предупреждают, что «старение населения беспрецедентно; оно не имеет параллелей в человеческой истории, и в XXI столетии мы станем свидетелями еще более быстрого старения, чем то, что наблюдалось в прошлом веке» [United Nations, 2008]. Высказываются опасения, что «глобальный эйджинг может вызвать кризис, способный потрясти мировую экономику и даже подорвать основы самой демократии» [Peterson, 1999, p. 55]. Согласно этой точке зрения он представляет собой «более реальную и более серьезную угрозу, чем угрозы, связанные с разработкой химического оружия, распространением ядерного оружия или этническими конфликтами» [Peterson, 1999, p. 42].

Что служит основанием для таких алармистских предсказаний?

Население любой страны можно условно разделить на две большие части: экономически зависимое (получающее «даровые» ресурсы от других) и «экономически независимое» (направляющее «даровые» ресурсы другим). Принадлежность к той или иной группе определяется в первую очередь возрастом, поскольку способности и потребности людей меняются по ходу жизненного цикла. Соответственно первая включает преимущественно детей и пожилых, тогда как вторая — главным образом лиц среднего возраста. Однако границы между детством и взрослостью, зрелостью и старостью исторически и географически специфичны и меняются как во времени, так и в пространстве. В современной международной статистике граница между детством и взрослостью условно определяется порогом в 20 лет (другой возможный вариант — 15 лет), а граница между зрелостью и старостью — порогом в 65 лет (другой возможный вариант — 60 лет). Интуитивно понятно, что меняющееся соотношение между зависимым и независимым населением способно оказывать сильнейшее влияние на функционирование экономики, причем по многим самым разным каналам: «Соотношение между потреблением и производством, как правило, выше в детстве и ста-

рости и ниже в рабочих возрастах. Это означает, что ключевые драйверы экономического роста, такие как предложение труда, производительность, потребление и сбережения будут варьироваться в зависимости от того, на какой стадии жизненного цикла находится большинство населения» [Bloom et al., 2011, p. 13].

В первом приближении представление о бремени демографической и экономической зависимости можно получить, сопоставив величины двух этих сегментов. Соотношение между численностью зависимого и численностью независимого населения принято обозначать термином «коэффициент зависимости» (*dependency ratio*)². Это дробь, где в числителе находится численность населения в возрасте до 20 лет (альтернативный вариант – до 15 лет) и 65+ лет (альтернативный вариант – 60+ лет), а в знаменателе – численность населения в возрасте 20–64 лет (альтернативный вариант – 15–59 лет). Она показывает, сколько экономически зависимых индивидов приходится на одного экономически независимого индивида, и может рассчитываться не только для всей совокупности экономически зависимых индивидов, но также для отдельных ее составляющих, скажем, только детей или только пожилых. Показатель, обратный коэффициенту зависимости, когда числитель и знаменатель меняются местами, обозначается термином «коэффициент поддержки» (*support ratio*). Он соответственно показывает, сколько экономически независимых индивидов приходится на одного экономически зависимого индивида³.

Старение населения неизбежно ухудшает соотношение между зависимым и независимым сегментами населения, вызывая скачок в коэффициентах зависимости (или, что то же самое, провал в коэффициентах поддержки). Если бы каждый человек жил автономно в полной изоляции, то динамика показателей зависимости не имела бы большого значения. Тогда людям было бы безразлично, каков средний возраст окружающих, сколько среди них молодых и сколько пожилых, как долго тем предстоит работать и жить и т.д. Эйджинг выступал бы в таком случае экономически нейтральным фактором. Но поскольку жизнь одних поколений частично накладывается на жизнь других, это подталкивает их к тому, чтобы вступать друг с другом в самые разнообразные экономические взаимодействия – как через

² В российской статистике английскому термину «*dependency ratio*» соответствует термин «коэффициент демографической нагрузки». Однако он, как нам кажется, недостаточно адекватно выражает суть возникающих в этом случае экономических отношений. Мы предпочитаем использовать для их обозначения выражение «коэффициент зависимости», хотя подобное словупотребление не принято в русскоязычной демографической и экономической литературе.

³ В литературе можно встретить несколько различных определений коэффициента поддержки. Хотя в некоторых работах он рассчитывается как отношение численности независимого населения к численности только зависимого населения, во многих других – как отношение численности независимого населения к численности *всего* населения (как доля лиц рабочих возрастов в общей численности населения).

прямые контакты на рынке, так и через косвенные связи в форме нерыночных межпоколенческих трансфертов. Тогда эйджинг может становиться серьезным вызовом для общества, подрывая (при определенных условиях) его благосостояние: «Экономические эффекты старения населения будут иметь место всегда, когда некоторое экономическое взаимодействие (продажа товаров или услуг, получение выплат от правительства и т.д.) сводит вместе людей, чье участие в этом взаимодействии является функцией их возраста. В подобной ситуации изменения в относительных размерах двух групп, различающихся по возрасту, станут требовать изменений в поведении по меньшей мере от одной из них. ... Пенсии по старости, содержание детей, соединение капитала пожилых с трудом молодых – во всех этих случаях изменения в относительной численности участников на любой из сторон взаимодействия будут иметь значимые последствия» [Weil, 2006, p. 2–3].

В результате здесь возникает множество сложных вопросов, ответы на которые неочевидны. В какой мере сокращение предложения труда, вызванное старением населения, станет замедлять экономический рост? Способно ли повышение качества рабочей силы (уровня ее образования) компенсировать убыль ее количества? Окажется ли постаревшая рабочая сила менее производительной и менее инновативной, тормозя скорость технологического прогресса? Будет ли наплыв на рынок труда пожилых работников вытеснять с него молодых? Будет ли старение населения сопровождаться ростом капиталовооруженности труда и снижением отдачи от капитала, «обваливая» таким образом курс акций? Или же капитал будет перетекать в страны с более молодым населением, так что отдача от него в развитых странах будет оставаться высокой? Может ли старение населения стать причиной вековой стагнации, «уронив» темпы экономического роста в развитых странах, а возможно, и во всем мире до исторических минимумов? Окажется ли резко возросшее бремя экономической зависимости по силам для занятой части населения? Каковы шансы на спасение действующих сегодня в большей части стран мира солидарных пенсионных систем, созданных много десятилетий тому назад в совершенно иных демографических и экономических условиях, от угрозы неминуемого, как предсказывают многие, финансового краха вследствие предстоящего драматического «обмеления» трудовых ресурсов? Насколько велика опасность возникновения острых политических конфликтов между молодой и пожилой частями общества за куски сжимающегося бюджетного «пирога»? Ответить на все эти вопросы тем более сложно, что извлечь какие-либо уроки из прошлого исторического опыта, чтобы понять, как можно предотвратить или смягчить последствия эйджинга, невозможно по вполне банальной причине – просто потому, что приобрести такой опыт у человечества еще не было возможности.

Вместе с тем нельзя забывать, что как для индивидов, так и для всего общества в целом процесс старения населения порождает не только издержки, но и выгоды [Lee, 2016]⁴. Бла-

⁴ Так, один из ожидаемых положительных эффектов эйджинга связан со снижением преступности. В современных обществах пик участия индивидов в криминальной деятельности, как правило, при-

гоприятные условия для снижения первых и повышения вторых возникают из-за неравномерности его протекания в отдельных странах: какие-то из них находятся еще только в самом начале пути, другие приближаются уже к его концу. Эта неравномерность создает большие межстрановые различия как в обеспеченности основными факторами производства (трудом и капиталом), так и в ценах на них, делая возможной частичную нейтрализацию негативных эффектов старения населения через международные торговые потоки, а также международные потоки труда и капитала [Börsch-Supan, 2006]. Развитые страны, находящиеся в «авангарде» процесса старения населения, могут до известной степени снижать связанные с ним издержки, как бы экспортируя эйджинг в развивающиеся страны.

Старение населения имеет множество разнообразных и зачастую противоположно направленных экономических и социальных последствий. Но, как ни странно, осознается это далеко не всегда. Так, если говорить о дискуссиях в России, то практически все они сводятся к обсуждению двух узкопрагматических тем – надо или не надо повышать пенсионный возраст и как быть с дефицитом ПФР. Цель настоящей работы – представить по возможности максимально широкий спектр экономических проблем, порождаемых старением населения, в том числе и не имеющих прямого отношения к политике государства. Глава носит обзорный характер и не претендует на то, чтобы предлагать ответы на те или иные практические вопросы, возникающие в связи с эйджингом в российском контексте.

Глава состоит из введения, четырех разделов и заключения. В первых двух разделах рассматриваются демографические аспекты феномена старения населения, в двух последующих – его наиболее важные экономические последствия. В заключении формулируются выводы из проделанного анализа.

1.2.

Демографический контекст проблемы старения

Прежде чем говорить об ожидаемых экономических эффектах старения населения, необходимо понять, какова, собственно, демографическая природа этого процесса. Какими причинами он вызывается? Насколько он универсален? Какова его динамика? Можно ли повернуть его вспять или хотя бы замедлить его ход? Без ответов на эти вопросы нам едва ли

ходится на возраст 20–24 года [Ulmer, Steffensmeier, 2014]. Соответственно, снижение удельного веса этой возрастной группы по ходу старения населения должно по сугубо арифметическим причинам вести к заметному сокращению показателей преступности.

удастся адекватно оценить масштабы и глубину экономических проблем, которыми, как показывает анализ, он может сопровождаться.

Старение населения и демографический переход. Генератором изменений в возрастной структуре населения выступает процесс демографического перехода, занимающий в общей сложности примерно три столетия и включающий три основные стадии [Вишневский, 2005; Демографическая модернизация России, 2006; Bloom, Luca, 2016; Lee, 2003]. До старта демографического перехода человечество жило в мальтузианском мире, в котором поддерживались стабильно высокие показатели как рождаемости, так и смертности⁵. Из-за того что они взаимно погашали друг друга, темпы роста численности населения были близки к нулевым. В результате на протяжении многих веков она оставалась почти стационарной.

Ситуация стала меняться, когда на фоне оставшихся по-прежнему высокими показателей рождаемости сначала в странах Западной Европы и Северной Америки (на рубеже XVIII–XIX вв.), а затем и в развивающихся странах (в первой половине XX в.) началось быстрое снижение показателей смертности – вследствие улучшения питания, прогресса медицины, повышения качества санитарных условий, распространения более здорового образа жизни, роста уровня образования. Естественным результатом подобного сочетания стал взрывной рост численности населения [Вишневский, 2005; Bloom, Luca, 2016; Lee, 2003].

Снижение смертности означает более долгую жизнь и более позднюю смерть: число лет, проживаемых людьми в каждом из возрастов, в таком случае увеличивается. Однако прирост продолжительности жизни может распределяться между различными фазами жизненного цикла крайне неравномерно. На начальной стадии демографического перехода он по большей части концентрируется на самых ранних этапах жизни (благодаря сокращению младенческой смертности), в результате чего доля младших возрастов в численности населения начинает быстро повышаться. Вступление во взрослую жизнь этих более многочисленных когорт оборачивается затем увеличением общего числа рождений, так что представительство младших возрастов в численности населения возрастает еще больше. Все это приводит, во-первых, к сильному омоложению возрастной пирамиды и, во-вторых, к существенному повышению общего коэффициента демографической зависимости (или, что эквивалентно, к снижению общего коэффициента демографической поддержки). По длительности эта начальная стадия демографического перехода занимает обычно не меньше полувека [Bloom, Luca, 2016; Lee, 2003].

⁵ С учетом исходного мальтузианского состояния можно считать, что ДП включает не три, а четыре стадии.

На второй стадии демографического перехода вслед за показателями смертности вниз устремляются показатели рождаемости, так что темпы прироста численности населения начинают затухать, хотя все еще остаются положительными. В развитых странах начало этой стадии демографического перехода датируется приблизительно концом XIX в., а завершение – концом XX в.; развивающиеся страны вступили в нее позже – в середине–конце XX столетия [Bloom, Luca, 2016; Lee, 2003]. Как показывает анализ, этот радикальный сдвиг в репродуктивном поведении людей вызывался тремя главными факторами: удорожанием «стоимости» детей, повышением уровня образования и появлением более эффективных средств контрацепции. Важнейшим среди них являлся, безусловно, первый [Becker, 1981].

Начавшееся снижение рождаемости приводит к тому, что доля младших когорт в численности населения сокращается, тогда как доля когорт среднего возраста увеличивается. В то же самое время доля пожилых когорт остается (до определенного момента) более или менее стабильной. Как следствие – соотношение между численностью населения в нерабочих и рабочих возрастах заметно улучшается. Падение общего коэффициента демографической зависимости, когда в изменившихся условиях каждый работающий должен «содержать» значительно меньшее число иждивенцев, становится мощным катализатором экономического роста. Временной лаг между началом падения коэффициента зависимости детей и началом повышения коэффициента зависимости пожилых создает благоприятное окно экономических возможностей, обозначаемое в исследовательской литературе термином «демографический дивиденд». (Если говорить о России, то в ней, как показывают данные, его пиковые значения пришлось на нулевые годы нынешнего столетия.)

Однако на третьей стадии демографического перехода продолжающееся снижение показателей смертности приводит к сдвигам в возрастной структуре населения уже в пользу пожилых [Вишневский, 2005; Bloom, Luca, 2016; Lee, 2003]. Во-первых, пожилого возраста достигают многочисленные когорты, появившиеся на свет еще в тот период, когда рождаемость поддерживалась на высоком уровне, и во-вторых, значительно возрастает средняя продолжительность жизни. Как уже упоминалось, когда смертность начинает падать с очень высоких значений, основная «прибавка» к продолжительности жизни приходится на детские годы. Однако при дальнейшем падении, когда смертность достигает уже достаточно низких уровней, основная «прибавка» достается лицам пожилого возраста. В США в начале XX столетия лишь 20% от общей «прибавки» к продолжительности жизни доставалось пожилым (65+) [Eggleston, Fuchs, 2012]. Сегодня же ситуация выглядит совершенно иначе: подсчитано, что в США за последнюю четверть века 75% от общего прироста в продолжительности жизни досталось группе 65+ и лишь 25% – тем, кто еще не достиг этого возрастного порога [Eggleston, Fuchs, 2012]. В развитых странах практически все снижение пока-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru